Искусство бега под дождем

Автор:
Гарт Стайн

Искусство бега под дождем

Гарт Стайн

Азбука-бестселлер

Однажды Энцо, умный и добрый пес, услышал в телепрограмме, что после смерти собака может переродиться в человека. С тех пор жизнь его обрела цель. «Вот почему я стану хорошим человеком, – думает пес, – потому что умею слушать. Я никогда никого не прерываю, не увожу разговор в сторону. Если вы обратите внимание на людей, то заметите, что они постоянно меняют линию беседы… Люди, я умоляю вас: учитесь слушать! Представьте себя собакой вроде меня, слушайте других людей и давайте им возможность выговориться». Вот такие мудрые и простые мысли. И когда для Дэнни, его хозяина, автогонщика и классного автомеханика, наступают трудные дни, пес решает: он должен помочь хозяину – пусть даже для этого ему придется совершить то, что собаке, казалось бы, не под силу…

Гарт Стайн

Искусство бега под дождем

Garth Stein

THE ART OF RACING IN THE RAIN

Copyright © 2008 by Bright White Light, LLC.

All rights reserved

Published by arrangement with Folio Literary Management, LLC.

Серия «Азбука-бестселлер»

Перевод с английского Игоря Гаврилова

Оформление обложки Ильи Кучмы

© И. В. Гаврилов (наследник), перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

С твоим интеллектом, упорством, интуицией и опытом ты способен взлететь очень высоко.

Айртон Сенна

Глава 1

Жесты – это все, что у меня есть. Порой они выглядят величественными, и если я переигрываю, то делаю это намеренно, исключительно для того, чтобы меня понимали правильно. Чтобы моя точка зрения не вызывала вопросов. Слов, которым я мог бы довериться, у меня нет, поскольку, к сожалению, язык мой сконструирован длинным, плоским, болтающимся из стороны в сторону. Поэтому, кстати, им ужасно неудобно пережевывать пищу и перекатывать ее во рту, но еще меньше он подходит для произнесения звуков, связующихся между собой в умные многосложные слова, образующие предложения. Таким образом, говорить я не умею. Вот почему я в ожидании Дэнни – он скоро должен вернуться – лежу здесь, на прохладном, выложенном кафельной плиткой полу кухни, в луже собственной мочи.

Я старый, и откровенно говоря, не таким я представлял собственный уход: шприц с обезболивающим и стероидами для уменьшения распухания суставов, глаза, затуманенные катарактой, пухлые, скользкие пакеты с собачьими памперсами. Уверен, Дэнни обязательно позаботится обо мне и купит сумку-коляску для транспортировки собак, неспособных самостоятельно волочь свою задницу – такие я не раз видел на улице, – когда дело совсем подойдет к концу. Вещь унизительная и оскорбительная. Не знаю, что хуже – кошмарная сумка-коляска или традиционный отвратительный собачий наряд на Хеллоуин. Купит, купит, не сомневайтесь. И сделает это от любви, конечно. Дэнни будет до последнего поддерживать в своей собаке жизнь, тело же мое продолжит распадаться и разлагаться до тех пор, пока от него почти ничего не останется, кроме мозга. А то, что от меня останется, опутают всякими разными проводами и катетерами и через них станут подавать искусственное питание.

Но я не хочу, чтобы во мне поддерживали жизнь. Потому как знаю, что будет. Видел по телевизору. Прежде всего, в документальном фильме о Монголии. Это лучшая телепередача из тех, что мне довелось смотреть, не считая, конечно, европейского Гран-при 1993 года, величайших автогонок всех времен, где Айртон Сенна показал себя гением в езде на мокром треке. А уж после Гран-при 1993 года, безусловно, лучшим идет тот самый документальный фильм, который мне все и объяснил, поведал истину – собака, завершившая свое существование в образе собаки, в следующей жизни становится человеком.

А я всегда чувствовал себя почти человеком. Я постоянно ощущал: есть во мне нечто, чем я отличаюсь от остальных собак. Меня втиснули в собачье тело, это так, но оно – всего лишь оболочка. Важно же то, что внутри. Душа. А душа у меня человеческая.

Я уже сейчас готов стать человеком, хотя и сознаю, что придется потерять себя. Свою память, весь свой опыт. Я бы хотел взять их в свою будущую жизнь, ведь я прошел через столько испытаний вместе с семейством Свифт, но не знаю, возможно ли такое. Что я могу сделать, кроме как заставить себя запомнить? Постараться запечатлеть эти знания в своей душе, не имеющей ни поверхности, ни сторон, ни страниц, ни формы. Запрятать в глубину своей сущности, чтобы потом, открыв глаза и взглянув на свои обновленные руки с настоящими большими пальцами, способными плотно прилегать к остальным, сразу же понять: я всегда это знал. Все это я вижу уже сейчас.

Дверь открывается, я слышу, как он входит со знакомым возгласом: «Привет, Цо!» Обычно я, отгоняя мучительную боль и с трудом держась на лапах, бреду к нему повилять хвостом, поболтать языком и ткнуться мордой в его ногу. Сегодня же, проявляя поистине человеческое упорство, сдерживаюсь. Мне трудно, но я продолжаю лежать, не поднимаюсь. Я играю.

– Энцо?

Я слышу его шаги, улавливаю тревогу в голосе. Дэнни находит меня, окидывает долгим взглядом. Я приподнимаю морду, слабо помахиваю хвостом. Я славно играю свою роль.

Он качает головой, проводит рукой по волосам, ставит на пол пластмассовый пакет, в котором лежит его обед, купленный в бакалейной лавке. Я чувствую запах жареного цыпленка. Сегодня вечером он будет есть жареного цыпленка и салат, холодный, наложенный горкой, похожей на айсберг.

– Ох, Энц, – говорит он.

Дэнни присаживается на корточки рядом со мной, дотрагивается до моей головы, гладит ямочку за ухом – так он всегда делает, – а я поднимаю морду и облизываю его ладонь.

– Что стряслось, малыш? – спрашивает он.

Но разве движениями объяснишь?

– Не можешь подняться?

Я пытаюсь, царапаю лапами кафель. Сердце у меня обрывается, – кажется, оно готово вырваться наружу. И я вдруг понимаю, что не могу встать. Я впадаю в панику. Оказывается, я вовсе и не притворялся, а действительно не могу держаться на лапах. Черт подери. Вот тебе и игра.

– Не волнуйся, малыш. Спокойней, – утешает он меня и, чуть приподняв, прижимает к себе. – Все в порядке, я с тобой. Давай помогу.

Он легко подхватывает меня с пола, берет на руки, и я чувствую запах его дня. От него пахнет всем, чем он занимался. Его работой, автомагазином, где он целый день стоит за прилавком, улыбаясь и вежливо разговаривая с покупателями, которые орут на него, потому что их «БМВ» заводятся и ездят плохо, а стоят бешеных денег, и что на их ремонт не напасешься, а главным образом потому, что людям иногда просто требуется на кого-нибудь наорать. Я чую запах его ланча. Он ходит перекусить в индийскую закусочную. Там классно и дешево. Там он покупает коробочку с едой, а иногда ему удается стянуть лишнюю порцию цыпленка тандори и желтого риса на ужин. Я ощущаю запах пива. Значит, он по дороге куда-то забежал. Может быть, в мексиканский ресторанчик, что на холме? Его дыхание пахнет чипсами тортилья. А, теперь все ясно. Мне нравится угадывать, где он задерживается, но только не сегодня, потому что сегодня я чувствую себя отвратительно.

Он бережно кладет меня в раковину, включает воду.

– Сейчас, Энц, потерпи немного, – приговаривает Дэнни и прибавляет: – Прости, что задержался. Мне надо было сразу идти домой, но ребята с работы уговорили. Я говорил Крейгу, что завязал, но разве ж от него отделаешься…

Дэнни продолжает болтать, и я начинаю понимать, что он думает, будто приступ у меня случился только потому, что он припозднился. Нет. Вовсе не поэтому. Мне не хочется, чтобы хозяин переживал из-за моего приступа. Нужно заставить его взглянуть правде в глаза, дать понять, что нет причин расстраиваться из-за

моего ухода из жизни. Он и так со мной порядком намучился, но ничего, скоро финал. Зачем только он таскает меня по дому, душу себе истязает? Оставил бы где-нибудь в углу да шел себе развлекаться, предаваться радостям жизни. Нет, со мной на руках он предаваться радостям не станет. Как бы мне его освободить от себя?

Дэнни – замечательный. Он сияет. У него прекрасные руки, которые умеют брать самые разные вещи, и язык у него может говорить всякие слова. Он прекрасно держится на двух ногах, стоит себе и пережевывает пищу в однообразную кашицу, и только после этого заглатывает. Я буду скучать по нему, по маленькой Зое. И я знаю, что они тоже будут скучать по мне. Но мне не следует позволять сентиментальности затмить мой грандиозный план. После того как все произойдет, Дэнни станет свободным и заживет собственной жизнью, а я вернусь на землю уже в новом обличье, в образе человека, и отыщу его, пожму ему руку и расскажу, как он талантлив. Потом подмигну и тихо прибавлю: «Энцо передает тебе привет». Затем повернусь и быстро зашагаю прочь, а он прокричит мне вслед: «Откуда ты меня знаешь? Мы с тобой раньше не встречались?»

Помыв меня, он протирает пол на кухне, а я наблюдаю за ним. Затем он кладет в миску мой корм, который я опять очень быстро съедаю, усаживает напротив телевизора, а сам начинает готовить ужин.

– Может быть, посмотрим пленку? – спрашивает он.

– Давай посмотрим, – отвечаю я, но он, конечно же, меня не слышит.

Он ставит запись одной из своих гонок, и мы вместе смотрим ее. Это одна из моих любимых гонок. Машины готовы к заезду, и трек абсолютно сухой, но как только качнулся зеленый флаг, извещая о начале гонок, грянул ливень. Вода полила стеной, залила трек, и все машины вокруг той, в которой находился Дэнни, враз потеряли управление. Многие съехали в поле, а он едет себе, лавируя между ними, словно на него и дождь-то не попадает, будто знает магическое заклинание, раздвигающее воду. Ну точно как на европейском Гран-при 1993 года, когда Сенна четыре машины обошел в открытом заезде, четырех величайших чемпионов уделал – Шумахера, Вендлингера, Хилла, Проста, всем им нос утер. Как будто тоже знал магическое заклинание.

Дэнни ездит не хуже Сенны. Только его мало кто видит, потому что ему не до этого. У него есть маленькая дочка Зоя и была жена Ева, которая перед смертью долго болела, а еще у него есть я. Живет он в Сиэтле, хотя гонщик должен жить где-нибудь в другом месте. У него есть работа. Но иногда он уезжает и возвращается с призом. Показывает его мне и рассказывает о гонках: как он блистал на треке и показал гонщикам в Сономе, или Техасе, или Среднем Огайо, как нужно ездить в сырую погоду.

Когда запись заканчивается, он говорит: «Пойдем?» И я снова пытаюсь подняться.

Он приподнимает мне задницу, уравновешивает меня на лапах, так я еще как-то держусь. Я тычу мордой в его ногу, показывая – со мной все в порядке.

– Вот и хорошо, Энцо.

Мы выходим из квартиры. Ночь стоит прохладная, ветреная, колючая и звездная. Мы проходим только один квартал и сразу идем обратно, потому что лапы у меня сильно болят. Дэнни это замечает. Когда мы возвращаемся, он дает мне печенье на ночь, я съедаю его и сворачиваюсь на коврике возле кровати хозяина. Он берет трубку и набирает номер.

«Майк, – говорит он. (Майк – это друг Дэнни, они работают продавцами в одном магазине. Между ними сложились, как говорят, корпоративные отношения. Майк – невысокий парень с дружелюбными руками, розовыми, всегда чисто вымытыми и приятно пахнущими.) – Майк, прикроешь меня завтра? Мне нужно снова сводить Энцо к ветеринару».

В последние годы мы частенько ходим к ветеринару за разными медикаментами, которые предположительно должны облегчить мне боль. На самом же деле ничего они не облегчают. А раз так, да еще принимая во внимание вчерашнее событие, я начинаю реализовывать свой генеральный план «Хозяин».

Дэнни на минуту прерывает разговор, а когда возобновляет, голос у него делается чужим – грубым, словно он подхватил простуду или его душит приступ аллергии. «Не знаю, – говорит он, – возможно, это будет не рутинный визит».

Я, может быть, и не могу выговаривать слова, но понять их смысл вполне способен. И я удивлен тем, что он говорит, хотя и готов к этому. На мгновение я удивился: ведь мой план сработал. Все идет как нельзя лучше, правда. Все станут свободными. Дэнни поступает абсолютно правильно. Он очень много для меня сделал, всю жизнь обо мне заботился. Теперь я обязан позаботиться о нем. Это мой долг. Без меня он сразу поднимется. Мы славно покатались и теперь подошли к финишу. Все когда-то кончается, ничего плохого здесь нет.

Я закрываю глаза и в полудреме слышу, как он делает то, что делает обычно перед сном. Чистит зубы, сплевывает воду, умывается. Как много у людей дел и разных ритуалов. Иногда они слишком привязываются к ним.

Глава 2

Он выбрал меня из груды щенков, разглядев в кишащей массе лап, ушей и хвостов за сараем возле пахучего поля, неподалеку от крошечного городка на востоке штата Вашингтон. Я не очень помню, как появился на свет, но помню свою мать – здоровенную суку-лабрадора с громадными титьками, качающимися наподобие маятников, за которой по двору семенили я и мои однопометки. Честно говоря, мамаша нас не особенно любила, ей было совершенно все равно, поели мы или ходим голодными. Когда кто-нибудь из нас исчезал, она определенно чувствовала облегчение – одним писклявым молокоотсосом меньше.

Отца своего я никогда не знал. Рабочие на ферме сказали Дэнни, что он метис, помесь овчарки с пуделем, но я в их басни не верю. Похожего пса я на ферме ни разу не видел, и если симпатичной даме еще можно поверить, то старшему на ферме, откровенному мерзавцу, который врал не моргнув глазом, даже когда сказать правду было бы намного лучше, – ни за что. Он долго распространялся относительно собачьих пород, доказывая, что овчарки и пуделя – самые умные из всех, а потому их берут чаще и стоят они дороже, а особенно их помет от скрещивания с лабрадором, который помимо ума приобретает еще и особый характер. Чушь собачья. Всем известно – овчарки и пуделя умом как раз не отличаются. У них прекрасная реакция, они отлично выполняют команды, но самостоятельно думать не могут. Самые же глупые из них – голубоглазые овчарки из Австралии и Новой Зеландии, жители которых помешаны на фрисби.

Нет, они, конечно, и быстры, и сообразительны, но думать вне вольера – увольте. Иными словами, как их обучишь или договоришься, так они и сделают.

Лично я убежден, что отцом моим был терьер. Потому как терьеры умеют решать проблемы. Они выполнят приказ, но только в том случае, если он совпадает с их настроением. То есть будет приказ или нет, они все равно поступят по-своему. Как раз подобный терьер жил у нас на ферме. Эрдель. Крупный, с черной лохматой шерстью и задиристый. Другие собаки с ним предпочитали не связываться. Держали его подальше от ограды дома, в сарае, где чинили трактора, у подножия холма, рядом с ручьем. Иной раз, правда, он прибегал к нам на холм, и тогда все собаки разом куда-то исчезали. Ходил в поле слушок, что старший готовился сделать из него бойцовскую собаку и весьма в том преуспел – терьер, судя по виду, готов был загрызть любого пса, который пописал в его сторону. За один только ленивый взгляд он шкуру с холки срывал. А уж если случалась у какой-нибудь сучки течка, он сразу охаживал ее, не важно, видит его действия кто или нет. Я часто недоумевал: «Да неужто это и есть мой отец?» Я похож на него – у меня такая же темная шерсть, слегка вьющаяся, и многие люди считают меня наполовину терьером. Самому же мне хотелось бы думать, что я появился в результате регулируемого генетического отбора.

Помню, в тот день, когда я покидал ферму, стояла страшная жара. В Спэнгле каждый день жаркий, поэтому и весь мир мне казался таким же, я ведь еще не знал, что значит холод. Я не знал, что такое дождь, ни разу не видел воды, разве что в громадных тазах и бочках, из которых пили взрослые собаки и которые старший по ферме наполнял из длинного шланга. Из того же шланга он окатывал водой сцепившихся собак. Однако в день, когда приехал Дэнни, жара стояла редкая. Я с однопометками, как обычно, возился, как вдруг появившаяся сверху рука схватила меня за холку, и я взмыл в воздух.

– Да, этого, – произнес какой-то мужчина.

Это было мое первое знакомство с будущей жизнью. Мужчина оказался высоким, худощавым, мускулистым. Не крупным, но уверенным в себе. С внимательными, холодными голубыми глазами, коротко стриженный, с курчавой, редкой, как у ирландского терьера, бородкой.

– Лучший из помета, – сказала дама. Она была добрая, всегда гладила нас. Мне нравилось, когда она брала меня на колени и чесала за ушами: «Ути, какой

милашка. Красавчик».

– Думали оставить его себе, – сообщил старший по ферме, переступая ногами в высоких, облепленных грязью ботинках. Он только что вернулся с ручья и чинил забор вокруг сарая.

Прохиндей. Он всегда так говорил, когда продавал щенков. Цену набивал. Мне было примерно недель двенадцать от роду, а эту фразу я слышал от него несчетное количество раз.

– Отдадите? – спросил мужчина.

– За деньги, за деньги, – ответил старший по ферме. Прищурившись, он посмотрел вверх, на небо, бледно-голубое от палящего солнца. – За хорошие деньги.

Глава 3

– Как можно мягче. Представь, что на педалях лежит яичная скорлупа, – любит повторять Дэнни, – и тебе нельзя ее давить. Вот как водят под дождем.

Когда мы смотрим с ним видеозаписи – а мы это делаем с первого дня нашей встречи, – он многое разъясняет мне (мне!). Спокойствие, ожидание, терпение – все это жизненно важные качества для гонщика. Периферическое зрение – это способность замечать вещи, которые глаза фактически не видят. Кинестетические ощущения – это когда дорогу ощущаешь одним касанием задницы на водительском кресле. Но больше всего мне нравилось его объяснение отсутствия памяти. Забавно не помнить того, что делал всего секунду назад. Ни плохого, ни хорошего. Потому что память – то же, что откидная спинка сиденья, только роль спинки играет время. Помнить означает отделяться от настоящего. Чтобы достичь успеха, гонщик должен уметь во время гонок ничего не помнить.

Вот почему гонщики постоянно записывают на видео каждое свое действие, а камеры у них установлены в кабине – это называется картографирование

данных. Гонщик не может стать свидетелем своего величия. Так говорит Дэнни. Он говорит, что гонка – действие и гонщик не должен чувствовать ничего, кроме этого самого действия. Размышления придут позднее. Великий чемпион Хулиан Сабелла Роза как-то сказал: «Во время гонки мой ум и мое тело работают так быстро и так слаженно, что я просто не успеваю думать, а если бы думал, то обязательно совершил бы ошибку».

Глава 4

Дэнни увез меня далеко от родной фермы, в пригород Сиэтла под названием Лесчи, где мы жили в небольшой съемной квартирке на берегу озера Вашингтон. Мне не очень нравилось жить в квартире, ведь я привык к открытым пространствам, к тому же я был щенком игривым. К счастью, в квартире имелся балкон, выходящий на озеро, вид которого меня радовал, поскольку я все же наполовину, по материнской линии, собака водяная.

Рос я быстро, и уже в первый год мы с Дэнни выработали друг к другу чувство глубокой привязанности и доверия. Поэтому меня крайне удивило, что он так быстро влюбился в Еву.

Он привел ее домой, и пахла она приятно, как и он. Перебродившим напитком, заставляющим их вести себя очень забавно. Они снимали друг с друга одежду, словно ее на них было слишком много, они обнимались, гладили друг друга, тискались, кусали друг другу губы, сжимали пальцы, целовали их и локти, короче, пускали слюни. Они упали на неразобранную постель, он взгромоздился на нее, она сказала: «Поле плодородно, осторожнее», а он ответил: «Обожаю плодородие». И он пахал ее поле, пока она не сжала руками простыню и не выгнула спину и не закричала от радости.

Когда он ушел поплескаться в ванной, она свесилась с кровати и погладила меня, отчего голова моя склонилась к полу, потому что я еще не был взрослым, мне недавно всего год исполнился, к тому же я был немного напуган их стонами и криками. Она спросила: «Ты не возражаешь, если я буду любить его? Я не встану между вами».

Я зауважал ее после таких слов, хотя и знал: она обязательно встанет между нами, оттого и счел ее торопливое обещание неискренним.

Я старался не выказывать обеспокоенности и вел себя прилично, так как знал, что Дэнни сильно увлечен ею. Однако вынужден признать: ее присутствие в квартире меня не вдохновляло. Оттого и мое присутствие вдохновляло ее еще меньше. Мы оба были спутниками, вращающимися вокруг солнца по имени Дэнни и борющимися за гравитационное превосходство. Разумеется, она имела преимущество в виде языка, и когда целовала и ласкала Дэнни, то иногда кидала в мою сторону дразнящие взгляды и подмигивала, будто говорила: «Смотри, как я умею делать».

Глава 5

Даже у обезьян есть большие пальцы, у этих тупейших существ на планете. Тупее их только утконосы, которые хотя и дышат воздухом, но устраивают гнезда под водой. Утконосы – редкие тупицы, чуть-чуть подурнее обезьян. И тем не менее у обезьян есть большие пальцы. Их большие пальцы предназначались для собак. Отдайте мне мои большие пальцы, вы, обезьяны чертовы, сучьи дети. (Мне нравится ремейк «Лицо со шрамом» с участием Аль Пачино, хотя он не идет ни в какое сравнение с «Крестным отцом», который просто великолепен.)

Я провожу слишком много времени у телевизора. Когда Дэнни утром уходит, он включает его для меня, и это давно стало привычкой. Он предупреждал меня не смотреть телевизор целый день, но я не послушался. К счастью, он знает, что мне нравятся машины, поэтому разрешает смотреть гонки сколько угодно, они идут по каналу «Скорость». Больше всего люблю смотреть классические гонки, особенно «Формулу-1». Мне также нравятся гонки «НАСКАР», но только на дорожных петлях. Хотя гонки – мои любимые передачи, Дэнни советует мне вносить разнообразие в жизнь, потому частенько включает другие каналы, и ими я наслаждаюсь не меньше.

Иногда я смотрю телеканалы «История», «Дискавери», иногда государственный телеканал, а порой даже какой-либо из детских. Когда Зоя была совсем маленькой, я выветривал невежество и дурь из головы за счет того, что до полудня изучал телепередачи о разных культурах и традициях, тогда же я и

начал задумываться о своем месте в этом мире, о вещах, имеющих смысл, и о вещах, смысла не имеющих.

По телевизору много говорят о Дарвине. Практически каждый образовательный канал имеет передачу об эволюции, все они, как правило, хорошо продуманны и имеют научную базу. И тем не менее мне непонятно, зачем люди противопоставляют свою концепцию эволюции креационизму. Почему не видят, что спиритуализм и наука – одно и то же? Эволюционируют ведь не только тела, но и души, а Вселенная, жидкая материя, соединяет их в удивительном создании, имя которому – человек. Чем плоха подобная идея?

Теоретики от науки убеждают нас в том, что обезьяны являются ближайшими эволюционными родственниками человека. Только спекуляции это все. На чем их теории основаны-то? На единственном факте – некоторые из найденных черепов сходны с черепом современного человека. Ну и что он подтверждает? Даже вкупе с другим фактом, доказывающим способность передвижения приматов на двух ногах. Двуногость – вообще не преимущество. Гляньте-ка на ногу человека, с ее мозолями, скрюченным большим пальцем, кальциевыми отложениями и гноем, вытекающим из пяточной шпоры. Да какая ж это шпора, если ею нельзя ни за сучок зацепиться, ни крошечную ямку выкопать? (И все же как я жду момента, когда душа моя вселится в одно из двуногих, неважнецки спроектированных тел, и я вберу в себя человеческое здоровье и заботы о нем.) Человеческое тело произошло от обезьяньего? Ну так что из того? Не важно, от кого оно произошло, хоть от рыбы. Самое главное – как только тело стало достаточно человеческим, в него вошла первая человеческая душа.

Представляю вам собственную теорию: ближайшим родственником человека является не шимпанзе, как полагают люди в телевизоре, а фактически собака.

Следите за моей логикой.

Доказательство первое: коготь-отросток.

По моему глубокому убеждению, коготь-отросток, который часто срезается с передней лапы собаки в раннем ее возрасте, есть не что иное, как недоразвитый большой палец, ошибочно считающийся атавизмом. Далее – я уверен, что люди

вырастили свой большой палец в результате длительного, тщательно выверенного процесса, называемого селективным скрещиванием, с простой целью – предотвратить развитие собак в смышленое и потому опасное для них млекопитающее.

Я свято верю: продолжение человеком одомашнивания (если вам угодно использовать столь гадкий эвфемизм) собак имеет одну только мотивацию – страх, что собаки самостоятельно разовьют у себя большие пальцы, маленькие языки и превзойдут человека, существо медлительное и нескладное, неуверенно стоящее на двух ногах. Только поэтому собаки вынуждены существовать под неусыпным человеческим взором, а ставшие свободными или живущие сами по себе немедленно уничтожаются.

Из того, что Дэнни рассказывал мне о правительстве и его деятельности, я извлек важную мысль: данный омерзительный план разрабатывался в кулуарах, в чулане одним из самых гнусных сотрудников Белого дома, не исключено – советником самого президента, человеком со-мнительных моральных устоев и умственных способностей, умеющим, однако, правильно расставлять приоритеты – правда, к несчастью, не с позиций честного интеллектуала-провидца, а с позиций параноика, опасающегося развития собак.

Доказательство второе: оборотень.

Встает полная луна. Собака жмется к стволу ели, прячется под нижними ветками. Из мрачного уголка темного леса выходит человек и вдруг обнаруживает, что превратился… В обезьяну? Думаю, нет.

Глава 6

Звали ее Ева, и поначалу изменения, внесенные ею в нашу жизнь, вызывали у меня негодование. Я ненавидел внимание, какое Дэнни оказывал ее ручкам, ее маленькому заду и скромным бедрам. Мне не нравилось, как он смотрел в ее мягкие зеленые глаза, разглядывающие его из-под стильно завитых светлых

волос. Завидовал ли я ее обворожительной – я бы назвал ее особенной – улыбке? Наверное, да. Потому что она была человеком, существом, отличным от меня. Не в пример мне она была отлично выдрессирована. Она была всем, а я – ничем. К примеру, я мог долгое время обходиться без ванны, стрижки и чистки зубов, она же мылась ежедневно и ходила к человеку, который только тем и занимался, что красил ее волосы в любимый цвет Дэнни. Мои ногти вырастали длиннющими, они цокали и царапали пол, она за своими ногтями ухаживала постоянно – стригла и шлифовала, придавая им форму, а в довершение всего еще и красила.

Забота о каждой детали своей внешности отражалась на ее личности: по натуре она была невероятно организованна и требовательна, постоянно составляла списки и планы занятий и покупок, часто снабжала нас с Дэнни перечнем, как она любила говорить, «милых дел», так что уик-энды мы проводили либо в постоянных поездках во «Все для дома», либо толкались в очереди на станции утилизации старых вещей, где проводились распродажи всего мало-мальски годного к употреблению. Мне не нравилось красить комнаты, врезать дверные замки и мыть стекла. Дэнни же, очевидно, любил это делать, потому что чем больше получал от нее заданий, тем быстрее их выполнял, чтобы получить вознаграждение, которое обычно включало в себя множество ласк и поглаживаний в самых разных местах.

Вскоре после того, как она въехала в нашу квартирку, они поженились и состоялась маленькая свадьба, где присутствовал я, их близкие друзья и родители Евы. У Дэнни братьев и сестер не было, а его родители не приехали, сославшись, как объяснил Дэнни, просто на то, что они плохо переносят поездки.

Свадьба проходила на острове Уидби, в очаровательном небольшом коттедже, которым, по заявлению родителей Евы, владели их очень близкие друзья, на свадьбе отсутствующие. Меня включили в число гостей, но на очень суровых условиях: я не должен был болтаться на берегу или плавать в заливе, чтобы не натащить песок в дом, где полы из дорогого черного дерева, а дефекализироваться и деуринизироваться меня заставили в специальном месте возле мусорных контейнеров.

По возвращении с Уидби я заметил, что Ева двигается по нашей квартире с большей важностью, чем прежде, и гораздо смелее передвигает и заменяет вещи – полотенца, постельное белье и даже мебель. Она вошла в нашу жизнь, изменив все вокруг себя. Однако, хотя я и испытывал неудовольствие от ее

вторжения, было в ней что-то, не дающее мне продемонстрировать свой гнев. Полагаю, это что-то – ее опухающий живот.

Было нечто трогательное в том, как она, сняв рубашку и белье, ложилась на бок отдохнуть, в том, как свисали ее груди. Все в ней напоминало мне о матери, которая, так же вздыхая и подрагивая, валилась на бок и поднимала ногу, выставляя для нас свои соски, а те будто обращались к нам: «Вот вам. Нате, ешьте!» Тогда меня сильно возмущало внимание, которое Ева оказывала своему нерожденному младенцу, теперь же, оглядываясь назад, я понимаю причины своего недовольства – она никогда не баловала аналогичным вниманием меня. О чем я очень сожалею, ведь мне она так нравилась в период беременности. Тем не менее я отлично сознаю, что не мог стать для нее источником любви и радости. Это меня печалит и сегодня.

Она посвятила себя младенцу уже в ту пору, когда он еще не родился. Она регулярно прощупывала его через свой туго натянутый живот. Она пела ему и танцевала с ним под музыку. Она научила его поворачиваться за счет потребляемого ею апельсинового сока, который пила очень часто, объясняя мне, что журналы о здоровье настоятельно советуют беременным женщинам потреблять содержащуюся в апельсиновом соке фолиевую кислоту, хотя мы с ней знали, что не она потребляет ее, а малыш. Однажды Ева спросила, хочу ли я почувствовать его. Я согласился, и она, выпив кислоты, прижала мою морду к своему животу, и я почувствовал, как он шевелится. Думаю, ткнулся локтем, но ощущение было устрашающим: будто кто-то тянется ко мне из могилы. Я затруднялся предположить, что происходит внутри Евиного волшебного мешочка, где формировался кролик. Одно я знал точно – то, что находилось внутри ее, существовало отдельно от нее, имело собственную волю и двигалось помимо желания Евы, как хотело или, точнее, куда поворачивала его кислота.

Я обожаю женский пол. Дарительниц жизни. Как, должно быть, замечательно – иметь тело, способное вынашивать в себе живое существо. (Я не имею в виду солитера, который у меня был. Его нельзя считать другой жизнью. Он – паразит и не должен существовать в принципе.) Жизнь, которую Ева вынашивала внутри себя, была создана ею. Совместно с Дэнни. В то время мне так хотелось, чтобы малыш походил на меня.

Помню день, когда он появился на свет. Я только-только достиг периода полового созревания, мне стукнуло два года. Дэнни находился во Флориде, участвовал в гонках в Дейтоне. Весь год он провел, выискивая спонсора, –

просил, умолял, клянчил, подзадоривал. В конце концов ему улыбнулась удача – в нужное время, в нужном холле отеля он встретил нужного человека, который сказал ему: «Считай, что тебе повезло, парень. Позвони-ка мне завтра днем». Так он нашел вожделенные спонсорские доллары и смог купить место в двадцатичетырехчасовых гонках на кубок среди автомобилей «Порше-993», организованных компанией «Ролекс» в Дейтоне.

Гонки на выносливость – занятие не для робких. Каждый из четырех гонщиков проводит шесть часов за рулем мощного ревущего автомобиля, требующего предельного внимания и напряжения, полной отдачи сил, автомобиля дорогого, гоночного, испытывающего гонщика на стойкость, решимость и концентрацию. Двадцатичетырехчасовые гонки в Дейтоне – событие волнующее и непредсказуемое, транслируются по телевидению полностью. То, что Дэнни получил шанс участвовать в них в тот самый год, когда у него должна была родиться дочь, является одним из совпадений, о которых следует рассказать особо. Еву встревожило неподходящее время проведения гонок, она сочла его неблагоприятным. Дэнни же сиял от счастья, получив реальную возможность получить подарок, о котором он мог только мечтать.

Но раз так выпало, значит выпало. В день гонки, за неделю до положенного срока, у Евы начались родовые схватки. Она вызвала акушерок, и те, влетев в квартиру, быстро взялись за дело. Поздним вечером того же дня, когда Дэнни летел по трассе в Дейтоне, вне всякого сомнения выигрывая гонки, Ева встала, согнувшись у кровати, – две полные акушерки поддерживали ее под руки, – и в истошном крике, длившемся, казалось, целый час, извергла кровавую каплю человеческой ткани, которая несколько секунд судорожно извивалась, а затем заверещала. Дамы помогли Еве лечь в кровать, положили красное тельце ей на живот, новорожденный сам нашел ртом грудь Евы и принялся сосать ее.

– Могу я на минуту остаться одна? – спросила ошеломленная Ева.

– Конечно, – ответила одна из дам и двинулась к двери.

– Пошли с нами, щеночек, – позвала меня другая дама.

– Нет, – остановила ее Ева. – Пусть он останется.

Она просит меня остаться? Я не мог не почувствовать гордости оттого, что Ева включила меня в свой внутренний круг. Две леди, засуетившись, вышли из комнаты, чтобы подготовить все, что им могло потребоваться в дальнейшем, я же в восхищении смотрел, как Ева кормит новорожденного младенца. Спустя несколько минут мой внимательный взгляд переместился с груди Евы на ее лицо, и я увидел, что она плачет, но не представлял почему.

Ее свободная рука свисала с кровати, пальцы находились в нескольких сантиметрах от моей морды. Я колебался. Я не рискнул предполагать, что она подзывает меня. Однако пальцы ее вдруг зашевелились, глаза ее встретились с моими, и я понял – она зовет меня. Я ткнулся в ее руку носом. Она чуть приподняла ее и почесала меня по макушке, все еще плача, малыш же продолжал сосать.

– Знаешь, я сама попросила его поехать, – сказала она мне. – Даже настояла на этом. Вот так. – Слезы потекли по ее щекам. – Хотя мне очень жаль, что его сейчас нет здесь.

Я понятия не имел, что делать, но мне хватило ума не шевелиться. Она нуждалась во мне.

– Обещаешь всегда защищать ее? – спросила она.

Она обращалась не ко мне, а к Дэнни, я был всего лишь его заменителем. Тем не менее я чувствовал определенные обязательства. Я понимал, что, сколь бы искренне мне ни хотелось, я, собака, никогда не смогу вступить в прямой диалог с человеком. И все же в тот момент я сознавал, что могу представлять собой нечто значительное. Я могу обеспечить кое-какие потребности людям вокруг меня. Я могу утешить Еву во время отсутствия Дэнни. Я могу защитить ребенка Евы. И поскольку я всегда стремился в некотором смысле к большему, я наконец нашел отправную точку для дальнейших действий.

На следующий день Дэнни вернулся домой из Дейтона, штат Флорида, и вид у него был несчастный. Однако настроение немедленно изменилось, когда он взял на руки свою дочку, которую они назвали Зоей, не в честь меня, а в честь Евиной бабушки.

– Видишь моего маленького ангела, Цо? – спросил меня Дэнни.

Видел ли я ее? Да я ее практически родил!

Некоторое время Дэнни ходил по кухне осторожно, он чувствовал, что лед еще тонок. Родители Евы, Максвелл и Триш, находились у нас с рождения Зои, заботясь о дочери и внучке. Я начал называть их «близнецами», так как они очень похожи – с выкрашенными в одинаковый цвет волосами, в одинаковой одежде – зеленоватых брюках и свитерах либо в слаксах из полиэстера и спортивных рубашках с короткими рукавами. Если один из них надевал солнцезащитные очки, то же делал и другой. То же касается шортов, бермудов и высоких гетр, натянутых выше коленей. Они оба и пахли одинаково – гелем для волос на нефтепродуктах.

С момента своего прибытия «близнецы» принялись упрекать Еву за то, что она рожала дома. Тем самым подвергала опасности здоровье ребенка. «В наше время, – талдычили они, – люди ответственные рожают только в самых престижных больницах, где работают самые дорогие доктора». Ева пыталась привести им статистику, касающуюся здоровых матерей и доказывающую обратное, что команда профессиональных акушерок способна на самой ранней стадии распознать признаки болезни, но «близнецы» ее слушать не хотели. К счастью для Евы, появился Дэнни, и «близнецы» немедленно переключили внимание с ее недостатков на его.

– Как неудачно получилось, – сетовал Максвелл Дэнни на кухне, и в голосе его я отчетливо слышал злорадство.

– А деньги удастся вернуть? – спросила Триш.

Дэнни был в отчаянии, но почему – я не знал, пока ближе к вечеру к нам не приехал Майк и они с Дэнни не открыли по баночке пива. Оказалось, Дэнни как раз собирался сесть за руль, он был третьим в команде. Машина вела себя отлично, и все шло прекрасно. Они держали второе место в своем классе, и Дэнни надеялся взять лидерство после захода солнца, в ночных гонках. Если бы гонщик, который вел машину вторым номером, не стукнул машину о стену на шестом повороте.

Он ударил машину о стену в тот момент, когда их обходил дейтонский прототип, гораздо более мощная машина. Первое правило гонок: никогда не шарахайся в сторону, никогда никого не пропускай, пусть тебя пропускают. А второй гонщик

ушел в сторону, и машина «поцеловала мрамор», так гонщики называют установленное вдоль трека бетонное заграждение с навешанными на нем разноцветными шинами, смягчающими удар. Второй водитель «поцеловал мрамор», и машину развернуло. Она почти на предельной скорости ударилась о заграждение еще и багажником и сразу развалилась на миллион маленьких кусочков.

Гонщик остался цел и невредим, но гонки для команды закончились. Дэнни, который целый год готовился к своему звездному часу, стоял в своем расписанном рекламой костюме, купленном ему спонсором, в специальном шлеме, напичканном разного рода оборудованием, с вентиляционными отверстиями и фиброкарбоновой противоударной защитой, и смотрел, как эвакуатор уволакивает с трека на мусорную свалку его самый реальный, жизненно важный шанс, в котором он так ни разу и не посидел за рулем.

– Деньги вернуть, конечно, не удастся, – констатировал Майк.

– Деньги меня не интересуют, – ответил Дэнни. – Я должен был победить, но не победил.

– Она рано родилась, да? Нельзя предугадать, что случится, пока это не случилось.

– Можно, – ответил Дэнни. – Если гонщик хороший, он все предугадает.

– В любом случае за Зою, – сказал Майк и поднял банку.

– За Зою, – отозвался Дэнни.

«За Зою, – сказал я себе, – которую я всегда буду защищать».

Глава 7

Когда мы жили вдвоем с Дэнни, он зарабатывал до десяти тысяч долларов в месяц, занимаясь, как говорят коммерсанты, продажами по телефону. После

того как Ева забеременела, Дэнни встал за прилавок шикарного автомагазина, предлагающего дорогие немецкие машины. Эту работу Дэнни называл настоящей и очень любил, хотя она съедала все его свободное время и мы уже не могли проводить все дни вместе.

Иногда, по выходным, Дэнни преподавал в автошколе по программе подготовки гонщиков – таких школ у нас множество, и каждая специализируется на какой-то одной фирме – «Порше», «БМВ» или «Альфа-Ромео» – и частенько брал меня с собой на трек, что мне страшно нравилось. Сказать по правде, душа у него к преподаванию не лежала, так как не давала возможности ездить самому – он сидел как пассажир и только подсказывал водителю, что и как делать. А еще он говорил, что оплаты в школе ему не хватит даже на бензин, чтобы проехать один круг на гонках. Он мечтал о переезде в Соному, Феникс, Коннектикут, Лас-Вегас или даже в Европу – преподавать в солидной автошколе, чтобы иметь возможность ездить больше, но Ева говорила, что едва ли когда-нибудь оставит Сиэтл.

Ева работала в крупной компании по розничной продаже одежды, потому что это давало нам дополнительные деньги и обеспечивало медицинскую страховку, а еще потому, что она могла приобретать одежду для всей семьи с большой скидкой. Через несколько месяцев после рождения Зои она вернулась на работу, хотя в душе хотела остаться дома, с малышкой. Дэнни сказал, что готов оставить работу и сидеть с Зоей, но Ева посчитала такой шаг непрактичным. Поэтому она каждое утро отвозила Зою в дневной детский сад, а вечером по пути домой забирала ее.

Дэнни и Ева работали, Зоя находилась в детском саду, так что я был предоставлен сам себе. Большую часть тоскливых дней я либо слонялся по квартире – то в одной комнате посплю, то в другой покемарю, либо часами ничего не делал, а просто таращился в окно, провожал взглядом городские автобусы, которых мимо нашего дома ходило множество, и старался угадать их маршруты. Только тогда я понял, какое это счастье, когда в доме много людей и все бегают и суетятся, как в первые месяцы после появления Зои. Я был частью семьи, вписывался в события. Я был неотъемлемой одушевленной частью Зоиных развлечений: иногда, после кормления, когда она не спала и сидела в своем маленьком креслице-качалке, перехваченная ремнями, Ева и Дэнни играли в обезьянку посредине. Обезьянкой должен был быть я. Они бросали друг другу смотанный из носков мяч, а я, дурак дураком, бегал между ними, пытаясь схватить его, а потом вертелся волчком, в конце концов настигал мячик

и, держа его в зубах, плясал, как клоун на задних лапах. Зоя визжала и хохотала, болтала ножками с такой силой, что ее креслице скользило по полу. Дэнни с Евой тоже покатывались со смеху, и я вместе с ними.

А потом все уехали, оставив меня.

Я грустил в пустоте одиноких дней. Смотрел в окно и вспоминал, как мы с Зоей играли в «Энцо-принеси», игру, которую выдумал я, но название ей позднее дала она. Игра состояла в том, что мячик из носков делала сама Зоя, а Дэнни или Ева ей помогали. Иногда вместо мячика использовалась какая-нибудь игрушка. Зоя бросала их, я же должен был, толкая носом, принести их ей. И тогда она снова смеялась, а я вилял хвостом, и так повторялось снова и снова. До тех пор, пока однажды не случилось событие, изменившее всю мою жизнь.

Дэнни включил утром телевизор, чтобы послушать погоду, и, уходя на работу, забыл его выключить. Позвольте вам сообщить: канал «Погода» показывает вовсе не погоду, он показывает мир. Затрагивает, как погода нас всех, – всю мировую экономику, здоровье, счастье, дух. Детально рассказывает о самых разных природных явлениях: ураганах, циклонах, торнадо, муссонах, граде, дожде, штормах, молниях и бурях. Но в особое восхищение, похоже, его приводит слияние нескольких явлений. Очаровательное, захватывающее зрелище. Настолько, что, когда Дэнни вернулся домой, я все еще сидел возле телевизора как приклеенный.

– Что это ты смотришь? – спросил он, входя в комнату, словно разговаривал с Евой или Зоей, будто для него вполне естественно обращаться ко мне с вопросами.

Однако Ева на кухне готовила обед, а Зоя находилась у себя в комнате. У телевизора сидел я один. Я повернулся к нему, затем снова перевел взгляд на экран, где показывали основное событие дня: наводнение на Восточном побережье в результате затяжных проливных дождей.

– Погоду? – усмехнулся он, взял пульт и переключил на канал автогонок «Скорость». – Вот что нужно смотреть.

К тому моменту, когда я вырос, я просмотрел массу телеканалов, но только тех, что включали люди. С Дэнни мы предпочитали автогонки и фильмы, с Евой

наслаждались музыкальными видеофильмами и слушали голливудские сплетни, с Зоей смотрели детские шоу. (Я попытался научиться читать во время показа «Улицы Сезам», но у меня не получилось. Я, конечно, достиг определенного уровня грамотности и различаю надписи на дверях «От себя» и «На себя», но только по форме букв. Какой звук издает та или иная буква и почему, я так и не смог понять.) Внезапно меня озарило: ведь я могу смотреть телевизор сам. Эврика! Если бы я был нарисованный мультипликатором, надо мной в тот момент сама собой зажглась бы лампочка. Увидев на экране мчащиеся автомобили, я восторженно гавкнул. Дэнни рассмеялся:

– Этот канал лучше, да?

Да! Конечно, лучше! Я распластался в кресле, исполненный радости, как всякая лежащая на пузе собака, и помахал хвостом – оба жеста означали счастье и одобрение. И Дэнни меня понял.

– Я и не знал, что ты так любишь телевизор, – сказал он. – Если хочешь, буду оставлять его тебе включенным на весь день.

Хочу! Разумеется, хочу!

– Правда, тебе следует ограничить себя, – предупредил он. – Я не хочу, чтобы ты торчал весь день у телевизора. Полагаюсь на твою ответственность.

На мою ответственность? Так он считает меня ответственным лицом?

К тому времени – а мне в ту пору уже исполнилось три года – я часто смотрел телевизор, но мое настоящее образование началось с момента, когда Дэнни начал оставлять телевизор включенным специально для меня. Скука прошла, часы одиночества опять стали пролетать быстро. Выходные, наполненные активностью, поскольку все семейство было в сборе, сделались короткими, а ночи с воскресенья на понедельник наполнились томительно-сладостным расслаблением и предвкушением недели у телевизора.

Я погрузился в самообразование, потеряв счет неделям, и даже не заметил, как наступил второй день рождения Зои. Неожиданно для себя я оказался в центре праздника, устроенного в нашей квартире для ребятишек из детского сада, который посещала Зоя, и из парка, где она гуляла. Он был шумным и веселым до

сумасшествия. Все детишки хотели, чтобы я поиграл и повозился с ними на коврике. Я позволял им надевать на меня шляпы и кофты, и Зоя назвала меня своим старшим братом.

Потом детям принесли лимонный пирог, часть которого они рассыпали по полу, и пока Дэнни распаковывал подарки, я помогал Еве убирать его. Я радовался, видя, что Ева довольна нашей уборкой, так как чаще она жаловалась на оставленный кем-либо из нас беспорядок и на то, что ей приходится одной наводить порядок в квартире. Она даже похвалила меня за способность быстро удалять с пола куски и крошки, вызвала меня на состязание, и я согласился: она чистила пол пылесосом, а я – языком.

Когда дети ушли, а мы закончили уборку, Дэнни сообщил, что у него сюрприз для Зои. Он показал фотографию, на которую она едва взглянула, причем без интереса. Затем он показал фото Еве, и та вдруг заплакала, потом засмеялась, обняла Дэнни и, снова посмотрев на снимок, еще немножко поплакала. Дэнни взял у нее фотографию и показал мне. На ней был запечатлен дом.

– Посмотри-ка сюда, – сказал Дэнни. – Это твой новый двор. Доволен?

Полагаю, я был весьма доволен. Хотя на самом деле этот прямоугольник фотобумаги и вид дома на нем меня немного смутили. Я не понимал их причинно-следственной связи.

Вскоре все начали запихивать вещи в коробки, бегать и суетиться, хватать все, что под руку попадется, а в финале куда-то исчез мой коврик.

Дом оказался славным. Небольшой, но стильный – я видел такие по телевизору в передаче «Старый дом» в рубрике «Сделай сам», – с двумя спальнями, всего с одной ванной, но зато с большой жилой площадью, расположенный поблизости от соседей, на склоне холма в Центральном районе. Со столбов по краям дорожки, ведущей к входной двери, свисали разноцветные провода. Дом выглядел опрятным и ухоженным, тогда как неподалеку стояли здания с нестрижеными лужайками, облупившимися стенами и покрытыми мхом крышами.

Ева и Дэнни сразу полюбили новое жилище. Почти всю первую ночь они бегали голышом по комнатам, исключая ту, в которой спала Зоя. Возвращаясь домой с

работы, Дэнни первым делом говорил «привет» жене и дочке, после чего выводил меня во двор и бросал мяч, а я его с радостью возвращал ему. Когда же Зоя подросла, она бегала вокруг дома и визжала от счастья, а я делал вид, что вот-вот догоню ее. Ева предупреждала: «Не бегай так быстро, а то Энцо тебя укусит». В первые годы она частенько повторяла дочке эти слова, то есть сомневалась в моем воспитании. Но однажды Дэнни резко обернулся к ней и одернул: «Энцо никогда не укусит Зою. Слышишь? Никогда!» И он был прав. Ведь я отличаюсь от остальных собак. Я обладаю силой воли, достаточной, чтобы преодолеть большинство моих животных инстинктов. Хотя по-своему Ева была права, поскольку большинство собак не способны справиться с собой, видя бегущую добычу: они преследуют ее и хватают зубами. Только ко мне это не относится.

Но я прощаю Еву, она знала меня недостаточно хорошо, а объяснить я ей ничего не мог, по-этому просто никогда не вел себя с Зоей грубо. Мне не хотелось излишне волновать Еву. Однажды, когда Дэнни отсутствовал и Ева решила покормить меня, она нагнулась, чтобы поставить передо мной миску с кормом. Голова ее оказалась возле моего носа, и я сразу же почуял плохой запах, похожий на вонь гниющего дерева или грибов. Это был запах разложения, тухлой воды и гниения водорослей. Он шел из ее ушей и носа. Я сразу понял – в голове Евы есть нечто… чуждое.

Имей я покорный мне, легкий на слова язык, я бы предупредил их. Быть может, нашел бы силы убедить ее обратить внимание на свое состояние задолго до того, как о нем ей рассказали вся эта аппаратура, компьютеры и супервидящие скопы, которые умеют заглядывать в человеческие головы. Люди, наверное, считают их очень мудрыми, на самом же деле они громоздкие, не-уклюжие, очень неточные, поскольку реагируют на посторонние сигналы, основаны на философии симптоматической медицины, всегда отстающей на шаг от времени. Вот мой нос, да, да, мой черный нос, мокрый и чуткий, уловил болезнь в голове Евы задолго до того, как она сама узнала о ней.

Однако, к сожалению, язык мой мне не подчиняется, поэтому ничего не оставалось, кроме как смотреть на Еву и ощущать пустоту внутри себя. Она доверила мне охранять Зою, но никто не поручал мне охранять Еву. Я ничем не мог ей помочь.

Глава 8

Однажды летним субботним днем мы вернулись с пляжа, где сначала купались, а потом ели рыбу и чипсы в кафе «Спэд», красные и усталые от солнца. Ева уложила Зою поспать, Дэнни и я сели у телевизора образовываться.

Он поставил кассету с записью гонок на выносливость, в которых неделю назад напросился участвовать. Эти захватывающие гонки длились восемь часов. Дэнни и еще два гонщика в его команде, сидя за рулем по два часа, летели по трассе и финишировали первыми в своем классе, после одиннадцатичасового героического заезда, в котором Дэнни также участвовал, когда его машину едва не развернуло во время обгона двух авто, но он с честью вышел из сложного положения и тоже занял первое место.

Просмотр записи, сделанной камерой, установленной в кабине, оставляет потрясающее впечатление. Ощущаешь перспективу, которая теряется, когда смотришь телевизор и видишь все машины, да еще из-за множества камер с разных точек. Только когда наблюдаешь за гонками из кабины несущегося на огромной скорости автомобиля, начинаешь понимать, что такое быть гонщиком: видишь, как он держит руль, черту на трассе и саму трассу, отражение идущих позади машин в боковом стекле, чувствуешь страшное одиночество гонщика, его напряжение и упорство, качества, необходимые для победы.

Дэнни запустил пленку с момента начала последней стадии гонок, когда трасса была сырой, а небо покрылось тяжелыми черными тучами, грозящими проливным дождем. Мы молча посмотрели несколько кругов. Дэнни вел машину мягко и практически один, поскольку его команда осталась возле бокса, куда они заехали, чтобы сменить шины на дождевые. Другие команды решили, что дождя не будет или он скоро пройдет и трасса быстро высохнет, поэтому шины не меняли и, выиграв во времени, обошли команду Дэнни больше чем на два круга. Однако дождь опять полил, и Дэнни получил огромное преимущество.

Он легко обошел машины других классов: маломощные «миаты», устойчивые, преодолевавшие повороты на высокой скорости «вайперы» с огромными двигателями и ужасающим рулевым управлением. Врезаясь в дождь, Дэнни мчался по трассе в мускулистом кубковом «порше».

– Как тебе удается проходить повороты быстрее других? – спросила Ева.

Я вскинул голову. Она стояла в дверях, наблюдая за нами.

– Большинство команд не сменили шины на дождевые, – ответил Дэнни.

Ева села на диван рядом с ним.

– Но некоторые ведь сменили.

– Да. Кое-кто сменил.

Мы продолжали смотреть пленку. Дэнни встал позади желтого «камаро», в самом конце прямой трассы, и хотя на двенадцатом повороте, казалось, мог обойти его, продолжал оставаться на своей позиции.

– Почему ты не обогнал его? – спросила Ева.

– Потому что я знаю эту машину. Она очень мощная и на прямой без труда обойдет меня. А вот на следующей серии поворотов она будет уже позади.

Так и случилось. К следующему повороту «порше» Дэнни приблизился к желтому «камаро» настолько, что едва не касался его бампера. Затем Дэнни резко взял вправо, обошел его и встал в центре шеренги мчащихся машин. Дождавшись очередного поворота, он резко забрал влево и снова вырвался вперед на несколько машин.

– Эта часть трассы во время дождя очень скользкая, – произнес Дэнни. – Модные машины вынуждены притормаживать на поворотах, и в этот момент я вырываюсь вперед. Когда гонщики опять нажимают на газ, им уже меня не догнать.

Машины шли по прямой, в свете фар появились указатели поворота, темные на фоне неба, не ставшего пока черным. В панорамном зеркале заднего вида на мгновение появился желтый «камаро» и растворился в темноте, оставшись далеко позади.

– У него тоже дождевые шины? – поинтересовалась Ева.

– Думаю, да, но у него плохой баланс.

– Слушай, почему ты ведешь машину так, словно дождя нет, а остальные гонщики его явно чувствуют?

Указатель двенадцатого поворота появился на прямой трассе внезапно, мы с Евой едва успели заметить его. Впереди замелькали красные огоньки – идущий впереди гонщик притормозил и стал очередной жертвой Дэнни.

– Загляни вперед, и получится, – произнес Дэнни мягко.

– Как ты сказал? – спросила Ева.

– Когда мне было девятнадцать лет, – ответил Дэнни, помолчав немного, – я учился в своей первой автошколе в Сирз-Пойнт. Однажды пошел дождь, и наши инструкторы объясняли, как нужно водить по сырому шоссе. Однако, как они ни бились, как ни раскрывали свои секреты, мы так ничего и не поняли. Мы просто не представляли, о чем они говорят. Я посмотрел на своего соседа – хорошо помню его, это был француз, очень быстро все схватывал. Звали его Габриель Флорэ. Он улыбнулся и сказал мне: «Загляни вперед, и получится».

Ева закусила нижнюю губу и покосилась на Дэнни.

– И тогда все встало на свои места, – смеясь, проговорила она.

– Именно, – серьезно ответил Дэнни.

На экране телевизора продолжал лить дождь. Команда Дэнни сделала правильный выбор – остальные машины то и дело заезжали в боксы сменить шины.

– Гонщики боятся дождя, – сказал нам Дэнни. – Дождь усиливает негативный результат ошибок, вода на треке делает поведение машины непредсказуемым. Когда возникает какая-нибудь неожиданность, реагировать нужно быстро. Но если ты реагируешь на скорости, то всегда запаздываешь. Так что дождя следует бояться.

– Мне страшно даже глядеть на вас, – вздохнула Ева.

– Если я намеренно заставляю автомобиль сделать что-то, я могу предсказать, как он себя поведет. Иными словами… я теряю контроль над ситуацией, только когда случается непредвиденное.

– То есть ты разворачиваешь автомобиль прежде, чем он развернется сам? – спросила она.

– Вот именно! Если я начинаю действие, чуть отпускаю руль и даю машине двигаться самостоятельно, то я знаю, что произойдет до того, как это произойдет. В этом случае я среагирую быстрее действий машины.

– Такое случается?

На экране телевизора автомобиль Дэнни обогнал сразу несколько соперников, и вдруг капот его начал уходить в сторону, машина стала разворачиваться, но руки Дэнни уже крепко держали руль. Он выправил ход прежде, чем машина развернулась, и обошел еще двоих. Ева облегченно вздохнула, провела рукой по покрывшемуся испариной лбу.

– Иногда случается, – усмехнулся Дэнни. – Правда, разворачивает всех гонщиков. Когда они выходят за границы возможностей машины. Я сдерживаю себя. Постоянно. Потому и выигрываю гонки.

Ева посидела рядом еще с минуту, затем почти неохотно улыбнулась Дэнни и поднялась.

– Я люблю вас, – сказала она. – Вас и даже ваши гонки. Думаю, вы абсолютно правы во всем. Только сама бы я за руль такой машины не села.

Она ушла на кухню, а Дэнни и я продолжали смотреть, как в наступившей темноте все кружат и кружат по треку машины.

Я никогда не устану смотреть с Дэнни гонки. Он очень много знает, и кое-чему я у него научился. Он ничего больше мне не сказал – продолжал следить за машинами. Мои же мысли обратились к тому, что я узнал от него. Какая простая

концепция, но такая правильная: загляни вперед, и получится. Все мы – создатели собственной судьбы. Намеренно или по невежеству, но наши успехи и наши падения – результат исключительно наших действий.

Я подумал о том, как данная идея соотносится с моими взаимоотношениями с Евой. Не скрою, поначалу я недолюбливал ее за вторжение в нашу жизнь. Я уверен, она это чувствовала и защищалась тем, что игнорировала меня. И хотя наши отношения с появлением Зои сильно изменились, между нами продолжала сохраняться отчужденность.

Я оставил Дэнни у телевизора и побрел на кухню. Ева готовила обед, она мельком взглянула на меня, когда я входил.

– Ну что, надоели гонки? – спросила она небрежным тоном.

Нет, гонки мне не надоели. Я мог бы их смотреть сутками. Я кое-что проявлял. Я улегся у холодильника, на свое любимое место, положил голову на лапы.

Можно сказать, что, общаясь сейчас со мной, она чувствовала смущение. Обычно, когда Дэнни бывал дома, я проводил все время возле него. То, что сейчас я предпочел ее общество, оказалось для нее неожиданностью. Ева не понимала моих намерений. Вскоре она забыла обо мне, закрутившись с обедом.

Сначала Ева принялась жарить гамбургеры, которые очень вкусно пахли. Затем вымыла и высушила салат. Она нарезала яблоки. Положила в кастрюлю лук и чеснок, помидоры. Кухня наполнилась ароматом еды. Этот аромат и дневная жара разморили меня, и я, должно быть, ненадолго заснул. А проснулся оттого, что руки ее гладили меня по бокам, затем по животу. И я перевернулся на спину, признавая ее доминирование; она наградила меня тем, что мягко почесала меня.

– Хороший, – говорила она, – хороший Энцо.

Затем Ева вернулась к плите, но, проходя мимо меня, обязательно останавливалась и чесала мне бок босой ногой. Прикосновения мимолетные, но весьма многозначительные.

Я всегда хотел любить Еву так, как ее любил Дэнни, но боялся. Она была моим дождем, непредсказуемым фактором. И еще – моим страхом. Однако гонщику нельзя бояться дождя, он должен извлечь из дождя пользу. Я один мог проявить изменения во всем, что окружает меня. Изменив настроение и энергетику, я дал Еве шанс оценить меня иначе, и хотя не затруднился бы назвать себя хозяином своей судьбы, я, можно сказать, продемонстрировал проблеск желания стать им и узнал, к чему следует стремиться.

Глава 9

Спустя несколько лет после переезда в новый дом случилось очень страшное.

Дэнни получил место в гонках на выносливость в Уоткинс-Глен, причем в уже созданной команде, то есть спонсорских денег ему искать не нужно было. Ранней весной того года он уезжал во Францию выполнять испытательную программу «Формулы „Рено“». Заплатить за участие в ней он не мог, деньги ему, как он говорил Майку, подарили родители, в чем я сомневаюсь. Родители его жили далеко от нас, в небольшом городке, и за все время моего пребывания в семье Дэнни ни разу не приезжали навестить нас. Ни на его свадьбу, ни в год рождения Зои, вообще никогда у нас не были. Ну да ладно. В конце концов, не важно, где он нашел деньги, но только выполнять программу он поехал и надрал там задницы всем – показал местным пижонам, как нужно ездить в дождь. Рассказывая о своей победе Еве, он сообщил, что на гонках присутствовал представитель известной команды, который подошел к нему после финиша и спросил: «А по сухому треку ты сможешь проехать так же быстро?» И Дэнни ответил: «Хочешь испытать меня? Давай».

Загляни вперед, и получится.

Представитель ответил: «Давай попробуй», и Дэнни исчез на две недели. Готовился – ездил, машину налаживал, привыкал к новой обстановке. От его результата зависело многое, и он откатал настолько хорошо, что представитель сразу предложил ему место в гонках на выносливость в Уоткинс-Глен.

Когда он сначала уехал в Нью-Йорк, мы улыбались друг другу, потому что не могли дождаться начала показа гонок по каналу «Скорость».

– Просто здорово, – хихикала Ева. – Наш папа – профессиональный автогонщик.

А Зоя, которую я очень люблю и буду защищать, даже если это мне будет стоить жизни, радостно кричала и подпрыгивала в своей маленькой машинке в гостиной и гоняла кругами по комнате до тех пор, пока у нас головы не закружились, а затем вскинула руки и воскликнула: «Я – чемпион!»

Волнение охватило меня настолько, что я стал делать вещи, идиотские для собаки, – я копал ямки на лужайке, подпрыгивал и катался по полу, валился на бок, выгибал спину дугой, вытягивал лапы и позволял всем чесать мне пузо. Еще я гонялся за чем только можно. Я преследовал!

Мы переживали лучшее время. А потом наступило худшее.

Подошел день гонок, и Ева проснулась как во тьме. Боль сдавливала ее настолько сильно, что она едва стояла на ногах. Ее рвало так сильно, словно она хотела вывернуться наизнанку.

– Не знаю, что со мной происходит, Энцо, – сказала она, а Ева редко говорила со мной так искренне. В последний раз она обращалась так ко мне, когда родилась Зоя.

Сейчас же Ева разговаривала со мной как с самым близким другом.

– Что со мной? Не знаешь?

Она знала, что ответить я не могу. Вопрос ее был строго риторическим. Но смущало меня другое: ответ на него я знал.

Я знал, что с ней, но не имел возможности объяснить, поэтому просто ткнулся мордой в ее ногу, зарылся в халате между ее ног. И, напуганный, ждал.

– Ощущение страшное. Будто кто-то раскалывает череп изнутри, – снова заговорила она.

Я продолжал молчать. Я ничем не мог помочь ей.

Ева торопливо собирала вещи, а я наблюдал за ней. Она запихнула кое-какую свою и Зоину одежду в сумку, похватала пасту и зубные щетки. Все делала быстро. Затем разбудила Зою, натянула на ее ножки тапочки, и – бац, бац – дверь захлопнулась. Лязгнул замок, и они ушли.

А я не ушел. Я остался дома.

Глава 10

Как любит повторять Дэнни: «В идеале гонщик – хозяин всего, что находится вокруг него. В идеале он полностью контролирует машину и не дает ей развернуться, когда она собирается это сделать. Он предвидит все ее возможные действия». Однако живем мы не в идеальном мире. В нашем мире иногда случаются неожиданности, ошибки, инциденты с другими гонщиками, и на все это нужно реагировать.

Дэнни говорит, что, реагируя, необходимо помнить – машина хороша настолько, насколько хороши ее покрышки. Если покрышки теряют сцепление с дорогой, то, как бы отлично ни работало все остальное, – это уже не важно. Не имеет значения ни мощность, ни крутящий момент, ни тормоза, потому что машину уже начало заносить. И пока за счет старого доброго трения не выверена скорость и покрышки снова не обрели тягу, гонщик остается во власти инерции. А инерция – мощная сила природы.

Гонщику очень важно понять эту мысль и обуздать свои природные склонности. Когда заднюю часть автомобиля начинает заносить, гонщик может запаниковать и снять ногу с акселератора. Если он так поступит, то резко перенесет вес машины на передние колеса, и за счет вращения задних колес машину развернет.

Хороший гонщик попытается остановить занос, стараясь повернуть колеса в направлении движения машины, и ему может повезти. Однако в критические минуты, особенно если машина едет слишком быстро, скольжение задней ее части в сторону продолжается, что уменьшает скорость. Затем шины вдруг сцепляются с дорогой, гонщик чувствует тягу, к несчастью для самого себя, потому что передние колеса машины повернуты не туда, куда надо. Возникает

контрразворот, поскольку машина разбалансирована. То есть если водитель переусердствует в выправлении разворота в одном направлении, его неизбежно развернет в другом, причем второй разворот произойдет гораздо быстрее, и потому он намного опаснее.

Правда, если за рулем водитель опытный, знающий поведение машины, то как только покрышки начнут терять сцепление с дорогой и подниматься, он преодолеет инстинктивное желание затормозить. Напротив, он нажмет на акселератор и одновременно чуть-чуть ослабит пальцы на руле. Увеличение скорости заставит задние колеса опуститься на шоссе, и машина вновь станет устойчивой. Ослабление хватки руля уменьшит действие поперечных перегрузок. Разворота, таким образом, удастся избежать, и нашему водителю придется решать уже побочную проблему, вызванную его действиями, – с увеличением радиуса поворота возникает риск схода машины с трассы.

К сожалению, наш водитель оказался в нежелательной ситуации. Однако и теперь у него сохраняется возможность действовать. Он может справиться с неприятностью и успешно закончить гонку, даже выиграть, если и дальше проявит себя бойцом.

Глава 11

Оказавшись неожиданно и прочно запертым в доме, я не запаниковал. Не стал усердствовать в исправлении ситуации и не застыл от испуга. Приняв ее как данность, быстро и тщательно проанализировал случившееся и понял: Ева больна, болезнь, возможно, отразилась на ее способности мыслить здраво, и она едва ли вернется, чтобы позаботиться обо мне. Дэнни же появится дома через два дня и две ночи, на третий день.

Я – собака, и я умею поторапливаться. Это часть моего генетического фонда, который я так презираю. Когда Бог дал человеку большой мозг, Он отнял у него подушечки на ногах и сделал его восприимчивым к сальмонелле. Отказав собаке в большом пальце, сделав ее ущербной, он наградил ее способностью продолжительное время обходиться без еды. Как бы мне сейчас пригодился большой палец, всего один большой палец! Он помог бы мне справиться с тупым замком и убежать. Но нет у меня большого пальца, поэтому придется

воспользоваться моей второй природной способностью – умением терпеть голод.

Три дня я очень экономно, понемногу, пил воду в туалете. Я блуждал по дому, принюхиваясь к щели между полом и дверью кладовки, мечтая о большой миске корма, выискивал на пыльном полу и в углах комнат упавшие крошки Зоиного детского питания «Здоровье», и кое-где я их находил. Мочился и испражнялся я на коврик у задней двери дома, возле стиральной машины. Панике не поддавался.

На вторую ночь, примерно через сорок часов одиночества, думаю, я начал галлюцинировать. Облизывая ножки высокого Зоиного стульчика, я обнаружил на них давным-давно пролитые и высохшие остатки йогурта. Тем самым я непроизвольно вызвал к жизни пищеварительные соки, зарычал и вдруг услышал странные звуки из спальни Зои. Войдя туда, я увидел нечто жуткое и устрашающее. Одна из ее набитых синтетикой игрушек двигалась сама собой.

Это была зебра. Набитая дребеденью зебра, которую прислали Зое ее бабушка и дедушка по линии Дэна, возможно сами набитые подобной же мурой, во всяком случае, мне они показались набивными игрушками во время нашей с Дэном встречи с ними в Сиэтле. Зебру я не очень любил, поскольку видел в ней соперницу, Зоя же ее обожала. Откровенно говоря, я удивился, обнаружив ее в нашем доме, поскольку Зоя любила зебру больше остальных игрушек, возила по дому в маленькой коляске и даже клала на ночь с собой в кровать. Она играла с зеброй так часто, что на ее меховой шкуре, чуть пониже головы, образовались небольшие потертости. Я поразился, найдя ее в комнате. По-моему, Ева непременно должна была затолкать ее в сумку, но, подозреваю, либо разволновалась, либо боль была нестерпимой, и она попросту забыла о зебре.

Теперь ожившая зебра не проронила ни слова, а завидев меня, пустилась в пляс. Исполнила судорожный непристойный танец, завершившийся тем, что она начала тыкать своим кастрированным пахом в личико невинной Барби. Я разозлился и зарычал на приставучую хулиганку-зебру, а она в ответ лишь усмехнулась и продолжила свои порочные действия, на этот раз с лягушкой. Голозадая зебра оседлала беззащитное животное и ездила на ней, высоко задирая копыта, как ковбой на мустанге, истошно выкрикивая: «Йо-хо! Йо-хо-хо!»

Угрожающе рыча, я начал осторожно подкрадываться к ублюдочной зебре, унижающей достоинство Зоиных игрушек. В конце концов у меня не хватило сил

терпеть ее выходки. Я оскалился и двинулся на зебру, собираясь раз и навсегда покончить с ее диким издевательством. Однако, прежде чем я успел впиться клыками в чокнувшуюся зебру, она закончила свой глумливый танец и встала передо мной на задние ноги. Затем положила передние копыта себе на живот и разорвала себя по шву! Раздался треск материи, зебра запустила копыта внутрь себя и принялась доставать из своего живота набивку. Она продолжала выгребать собственные внутренности до тех пор, пока вся ее кровь вместе с ее внутренними демонами не оказалась на полу, после чего, превратившись в жалкую тряпку, упала рядом. Внутренности ее бились, словно вырванное из груди сердце, постепенно затихая, и наконец замерли.

Шокированный случившимся, я вышел из Зоиной комнаты в надежде, что увиденное – плод моего воображения, наваждение, вызванное нехваткой глюкозы в крови, хотя в душе подозревал – никакое это не наваждение, а правда. Еще я чувствовал, что произошло ужасное.

На следующий день, ближе к вечеру, вернулся Дэнни. Я услышал, как возле дома остановилось такси, видел, как он вытаскивает из багажника сумки и направляется к задней двери дома. Я не хотел, чтобы он заметил мое волнение, но меня беспокоил испачканный мною дверной коврик, поэтому я два раза предупредительно, негромко пролаял. Я поглядел на него в окно, на лице Дэнни отразилось удивление. Он вытащил ключи, отпер дверь. Я бросился вперед, пытаясь задержать его, но он вошел слишком быстро и сразу наступил на коврик. Раздался мягкий чавкающий звук. Он посмотрел вниз и запрыгал на одной ноге в кухню.

– Черт подери! Что ты вытворяешь?

Он оглядел кухню. Там все лежало на своих местах, все было в порядке, кроме меня.

– Ева, – позвал он.

Евы не было, и я не знал, где она, потому что она ушла, а я остался один.

– Дома они? – спросил Дэнни.

Я не отвечал. Он подошел к телефону, снял трубку и набрал номер.

– Ева и Зоя еще у вас? – спросил он сразу, не поздоровавшись. – Я могу поговорить с Евой?

Спустя минуту он снова заговорил:

– Энцо здесь. Да я сам ломаю голову над этим. Ты оставила его одного? Это же безумие, – проговорил он. – Как ты могла забыть о нем? И все это время он здесь один? Черт подери!

Затем он положил трубку и, расстроенный, издал долгий стон, очень-очень громкий.

Он посмотрел на меня и проговорил:

– Проклятье. Ну она и отмочила номер.

Дэнни быстро прошел через весь дом. Я не последовал за ним, остался ждать у черного входа. Через минуту он вернулся.

– Ты использовал только коврик? Молодец, Энцо. Отлично справился.

Он вытащил из кладовки пакет для мусора, сунул в него испорченный коврик, завязал его и отнес на улицу. Потом вытер шваброй место, где он лежал.

– Представляю, как ты есть хочешь.

В одну миску он налил мне воды, в другую насыпал корм, который я съел так быстро, что даже не успел насладиться вкусом – по крайней мере, набил желудок. Молча, с красным от негодования лицом, Дэнни наблюдал, как я ем.

Ева и Зоя приехали довольно скоро. Подошли к задней двери, и Дэнни открыл ее.

– Невероятно, – упавшим голосом произнес он. – Как ты могла так поступить?

– У меня страшно болела голова, – ответила Ева, входя в дом. Позади нее топала Зоя. – Я не соображала, что делаю.

– Он мог умереть.

– Но не умер же.

– Но мог, – повторил Дэнни. – Ты повела себя глупо и безрассудно. Забыла обо всем.

– Я была больна! – рявкнула Ева. – Ничего не понимала.

– Ты не понимала, что умирают не только люди, но и собаки?

– Дэнни, я больше никогда так не поступлю. – Ева заплакала. Она стояла, качаясь словно деревце на ветру. Зоя некоторое время крутилась возле нее, а потом исчезла внутри дома. – Ты постоянно в разъездах, а я забочусь и о Зое, и об Энцо. Я почти все время одна и больше не могу так. У меня нет времени позаботиться о себе!

– Позвонила бы Майку. Он либо взял бы его к себе, либо отвел в пансионат для животных. Придумал бы что-нибудь. Ева, не убивай его!

– У меня и мысли не было его убить, Дэнни, – прошептала она.

Я услышал тихий плач, поднял глаза и увидел стоящую в двери Зою. Ева бросилась к дочке, опустилась перед ней на колени.

– Не плачь, малышка, мы не ссоримся. Все, все, мы уже поговорили. Только не плачь.

– Мои зверушки, – хныкала Зоя.

– Что стряслось с твоими зверушками?

Ева взяла дочку за руку и повела через прихожую. Дэнни последовал за ними. Я оставался на кухне. С того момента, когда я увидел в Зоиной комнате пляску сексуально озабоченной зебры, к дверям ее я не приближался. Я и сейчас не хотел ее видеть.

Внезапно послышались громоподобные шаги. Я спрятался за дверью, прижался к стене, и Дэнни пронесся на кухню, не заметив меня. Лицо его пылало от ярости. Он наконец увидел меня, и челюсти у него сжались.

– Безмозглая собака, – зарычал он, схватил меня за холку, приподнял и больно двинул кулаком в бок.

Я обмяк от страха. Дэнни никогда не вел себя со мной подобным образом.

Он протащил меня через кухню и зал, приволок в комнату Зои, где она, ошеломленная, сидела на полу посреди кучи тряпья и хлама. Все ее куколки, все ее зверушки были выпотрошены и порваны на куски. Похоже, я устроил в ее комнате повальную резню. Про себя я мог только предположить, что злой демон в образе зебры самособрался и, после того как я ушел из комнаты, поубивал остальных животных. Надо было мне прежде ее разорвать на куски, тем более что ведь был же у меня шанс сделать это. Съесть ее нужно было, вот что, а потом – хоть смерть от отравления.

Гнев Дэнни был столь велик, что заполнил собой всю комнату. Да какое там всю комнату, считай, весь дом. В природе нет категории больше гнева Дэнни. Он лютовал, ревел, вмазал мне по башке с такой силой, что у меня из глаз искры посыпались. Я завизжал и попытался прижаться к полу.

– Плохой ты пес! – крикнул Дэнни и снова занес руку для удара.

– Дэнни, не надо бить его! – вдруг воскликнула Ева. Бросившись ко мне, она прикрыла меня своим телом. Защитила.

Дэнни замер. Он не посмел стукнуть Еву. И меня не стукнул, хотя я и почувствовал боль от удара. Это он двинул демону, темному существу, проникшему в наш дом в образе набитой синтетикой зебры. Дэнни думал, что демон сидит во мне, но он ошибался. Я видел демона, он проник в тело зебры и исчез после того, как я устроил бойню в Зоиной комнате, оставил посреди кровавой драмы безо всякой возможности защититься. Он попросту «подставил» меня.

– Не плачь, малышка, мы купим тебе новые куклы, – говорила Ева Зое. – Пойдем в магазин завтра же и все купим.

Очень осторожно я подполз к Зое, маленькой девочке, плачущей на полу посреди комнаты, окруженной останками своего воображаемого мира. Головка ее была опущена, подбородок уперся в грудь, по щекам текли слезы. Я ощущал ее боль, поскольку близко знал мир ее фантазий. Благодаря нашим ролевым играм, наивным и глупым, но наполненным большим смыслом, я видел, что она думает о самой себе, о своем месте в жизни. Я понимал, что отца она боготворит, а мать всегда старается порадовать хорошим поведением. Из наших игр я узнал, как глубоко она доверяет мне, но иногда боится, когда я скалюсь на нее слишком уж выразительно. Она отвергает ту часть взрослого миропорядка, которая лишает животных возможности мыслить. Я подполз еще ближе к ней, уткнулся носом в ее ногу, загоревшую на ярком летнем солнце. Я слегка приподнял брови, как бы спрашивая, простит ли она меня когда-нибудь за то, что не уберег ее игрушки.

Прошло много времени, прежде чем Зоя ответила. Она положила ладонь на мою голову. Не провела по ней, а просто положила. Только через нескольких дней она позволит себе почесать меня. Но главное произошло – девочка коснулась меня, значит простила за все, что я натворил, хотя рана саднила, а боль от потери была велика.

Позже, когда все поели, Зою уложили спать в ее комнате, уже убранной Евой, я нашел Дэнни. Он сидел на ступеньках лестницы, ведущей к входной двери дома, и пил крепкий напиток, что мне показалось странным, так как он очень редко прикладывался к алкоголю. Я осторожно подошел к нему. Он заметил меня.

– Не бойся, все нормально. – Он похлопал по ступеньке, приглашая меня сесть рядом. Я послушно сел, обнюхал его руку и неуверенно лизнул ее.

– Извини, потерял контроль над собой.

Небольшой кусок лужайки перед нашим домом вечерами был особенно красив. Его окаймляла узкая полоска грязной земли, усеянная приятно пахнущими кедровыми щепками и шишками. Весной Ева сажала на ней цветы. В углу лужайки рос куст, расцветающий весной и привлекающий пчел, что меня очень нервировало, так как возле него любила играть Зоя, а пчелы могли ее ужалить.

Но они ее почему-то никогда не жалили.

Одним большим глотком Дэнни допил бокал и непроизвольно передернулся. Словно ниоткуда в руке появилась бутылка – я удивился, как ее не заметил, – налил себе еще. Он поднялся, сделал несколько шагов и воздел руку к небу.

– Мы заняли первое место, Энцо. Нет, не в своем классе, а первое в общем зачете. Ты понимаешь, что это значит?

Сердце запрыгало у меня в груди от счастья. Конечно же, я понимал. Это значило, что Дэнни стал чемпионом. Он оказался лучшим в гонках.

– В следующем сезоне я получу место в туринг-каре, вот что это значит. Меня пригласили в настоящую, крутую команду гонщиков. Ты знаешь, чего стоит такое приглашение?

Я любил, когда он разговаривал со мной так интригующе. Нагнетал драматизм. Разжигал предвкушение. Мне в повествовании всегда нравился саспенс. Неудивительно, ведь в душе я драматург. Для меня хороший рассказ – тот, что сначала возбуждает ожидания, а потом самым неожиданным и захватывающим образом удовлетворяет их.

– Подобное приглашение означает, что, отыскав спонсора – а денег требуется не так много, и я, скорее всего, найду его, – я смогу участвовать в гонках, если, конечно, захочу следующие полгода проводить очень мало времени с Евой, Зоей и с тобой. Как ты считаешь, очень мне этого хочется?

Я ничего не ответил, потому что меня разрывали сомнения. Я был самым горячим поклонником Дэнни и его надежной опорой в гонках. Однако я предполагал, как будут чувствовать себя Ева с Зоей в его отсутствие. От мысли о его отъезде надолго внутри у меня все похолодело. Он, наверное, прочитал мои мысли, потому что, отхлебнув из бокала, произнес:

– Вот именно, совсем не хочется.

Так я и подумал.

– В голове не укладывается, как Ева оставила тебя одного? Понимаю, она болела, но все же…

Он на самом деле верил в то, что говорил, или обманывал себя? Возможно, он действительно верил, потому что так хотела Ева. Впрочем, не важно. Будь я человеком, я бы рассказал ему всю правду о ее болезни.

– Какой-то вирус она подхватила очень плохой, – произнес Дэнни скорее для себя, чем мне. – Он лишил ее способности думать.

Внезапно я почувствовал неуверенность: будь я человеком, я, возможно, и не стал бы рассказывать ему правду о Еве, так как он едва ли захотел бы услышать ее.

Дэнни застонал и опустился на ступеньку, вновь наполнил бокал.

– Я вычту выпотрошенные тобой игрушки из твоего содержания, – сказал он и рассмеялся. Потом повернулся ко мне и потрепал по щеке. – Я люблю тебя и обещаю никогда больше так не поступать. Что бы ты ни навытворял. Прости.

Он был пьян, потому и болтал всякий вздор, но все равно слушать его мне было очень приятно. Я тоже любил его.

– Крутой ты парень, трое суток без воды и еды продержался.

Я ощутил прилив гордости.

– Я знаю, что и ты так больше не сделаешь. Не станешь намеренно драть игрушки. Не нужно, не обижай Зою.

Я положил голову ему на колени и посмотрел на него.

– Знаешь, мне иной раз кажется, будто ты меня понимаешь, – проговорил он. – Похоже, внутри тебя находится разумное существо, словно ты у меня все знаешь.

«Конечно знаю, – ответил я. – Как же мне не знать всего!»

Глава 12

Состояние Евы было переменчивым и непредсказуемым. Целыми днями она страдала: то от жутких головных болей, то от тошноты и слабости, то от упадка настроения, когда она становилась мрачной и злобной. Однако дни эти не шли сплошной чередой – между ними были перерывы облегчения, порой очень долгие, в несколько недель, и тогда жизнь в семье текла, как обычно. А потом снова Дэнни поступал звонок, он приезжал к Еве на работу и отвозил ее домой, просил Майка или еще кого-нибудь подменить его в магазине и проводил остаток дня у постели страдающей Евы, бессильный помочь.

Всплески и интенсивность заболевания Евы находились за гранью его понимания. Бывало, что она вдруг начинала стонать от боли, испускала дикие крики и бессильно валилась на пол. Такое понимают лишь женщины и собаки, потому что мы вживаемся в боль, подключаемся непосредственно к источнику боли, и сама она, и жестокость ее становятся нам сразу ясными и понятными. Озарение приходит к нам, словно вспышка раскаленного металла. Мы способны в полной мере оценить эстетику боли, отчетливо сознаем в ней самое худшее и принимаем это.

Мужчины же, напротив, стараются боль отфильтровать, отразить и исказить, задержать ее проявление. Для них боль – всего лишь сиюминутное неудобство, которое отгоняется обезболивающим. Они понятия не имеют, что проявление их несчастья, грибок между волосатыми пальцами ног, – всего лишь симптом, признак системной проблемы. Такой же, как, например, размножение грибка кандида в их кишках или иное расстройство системы. Подавление симптомов заставляет истинную проблему проявляться на более глубоком уровне и в другое время.

«Сходи к доктору», – говорил он ей, или: «Прими лекарство». А она в ответ выла на луну. Дэнни никогда не понимал, как я, что Ева имела в виду, говоря, что лекарство только маскирует, а не прогоняет боль. Он не понимал, когда она заявляла, что, если придет к врачу, тот всего лишь выдумает болезнь, объясняющую, почему не может ей помочь. А ведь между всплесками болезни проходило немало времени. И надежда была.

Дэнни приходил в отчаяние от неспособности помочь Еве, и в этом смысле я его хорошо понимал. Неумение говорить очень расстраивало меня. Тяжело чувствовать, что тебе есть что сказать, и быть в то же время словно запертым в звуконепроницаемой коробке, в наглухо заколоченной кабинке с окошком, сквозь которое я видел все происходящее и все слышал, но они так и не выпустили меня оттуда и не включили мой микрофон. Человек, оказавшийся в подобном положении, может с ума сойти. Собака, очутившаяся в ситуации, подобной моей, тоже сходит с ума. Хорошая, воспитанная собака, в жизни никого ни разу не укусившая, вдруг безумеет и ночью, когда хозяин крепко спит под действием снотворного, обгрызает ему лицо. Нет, с ней ничего не случилось, если не считать, что рассудок ослабел. Как бы ужасно это ни звучало, но такое бывает, о подобных происшествиях частенько говорят по телевизору.

Я нашел несколько способов справляться с сумасшествием. К примеру, я вырабатываю человеческую походку. Стараюсь жевать пищу так же тщательно, как люди. Я смотрю телевизор и стараюсь найти в нем ответы на вопросы о поведении человека, учусь по-человечески реагировать на определенные ситуации. В своей будущей жизни, когда я появлюсь в образе человека, я практически буду взрослым с момента рождения, с выхода из утробы, поскольку всю необходимую подготовку уже провел. Мне останется лишь подождать, пока мое человеческое тело возмужает, после чего я, не исключено, превзойду атлетические и интеллектуальные возможности, которые сейчас с удовольствием себе представляю.

Дэнни избежал безумия от нахождения в адской звуконепроницаемой коробке за счет того, что вырвался из нее на гоночной машине. Он не мог отогнать от Евы болезнь, и как только это понял, решил научиться делать остальное как можно лучше.

Во время гонок с машинами может произойти что угодно. В трансмиссии может полететь шестеренка с квадратными зубьями и лишить гонщика возможности переключать скорость. Либо развалится кулачковый механизм. Тормозные диски размягчатся от перегрева. Подвеска лопнет. Оказавшись лицом к лицу с подобными проблемами, неопытный гонщик запаникует. Гонщик среднего класса сдастся. Великие гонщики найдут способ продолжить гонку. Такое случилось в 1898 году на Гран-при в Люксембурге, когда ирландский гонщик Кевин Финнери Йорк победно финишировал и только потом обнаружил, что последние двадцать кругов ехал всего на двух передачах! Контролировать машину в подобных условиях – высшее проявление упорства и

рассудительности. В такие минуты гонщик начинает понимать, что физическая составляющая нашего мира заканчивается там, где заканчивается его воля. Настоящий чемпион завершит гонку даже в условиях, которые обычный человек назовет невозможными.

Дэнни стал работать на час меньше, чтобы иметь возможность забирать Зою из подготовительной группы. Вечерами, после ужина, он читал ей, помогал учить цифры и буквы. Он ходил за покупками в кулинарию и бакалею. Он пылесосил комнаты. Со своими обязанностями он справлялся великолепно и никогда не жаловался. Он хотел избавить Еву от всякой нагрузки, от любой работы, способной вызвать у нее стресс. Однако при всех его талантах единственное, чего он не умел, – как я замечал, взрослея, – это, физически проявляя ласку, заниматься с Зоей в игровой форме. Но не на все же у него были способности; он явно решил, что забота о ее организме является высшим приоритетом. Полагаю, в данных обстоятельствах он был прав. Потому что рядом с ним находился я.

Зеленое мне кажется серым, а красное – черным. Ну и что? Это не значит, что я плохой кандидат в потенциального человека. Если научить меня читать и обеспечить компьютерной системой, как у Стивена Хокинга, я бы тоже написал гениальные книги. Только ведь читать-то вы меня не учите и компьютерной системы с клавиатурой, в которую я бы тыкал носом, не покупаете. То-Тогдакто же виноват в том, что я такой, какой есть?

Дэнни не переставал любить Еву, он просто делегировал мне полномочия проявления любви. Я стал проводником его любви, его поверенным в обеспечении комфортных условий для Евы. Когда она заболевала и он принимал на себя всю заботу по дому и уводил Зою в кино смотреть полнометражные мультики, чтобы та не видела страданий матери, не слышала ее жутких криков и плача, я оставался с Евой. Он доверял мне. Упаковывая в сумку бутылки с водой и слоистое печенье без гидрогенизированных масел, купленное в хорошем супермаркете, он говорил мне: «Энцо, пожалуйста, позаботься о ней».

И я заботился о Еве. Обычно я сворачивался возле ее кровати, а когда приступ заставал ее внезапно и она валилась на пол, то растягивался рядом. Очень часто она клала на меня руку, прижимала к себе и рассказывала о своей боли.

Не могу лежать спокойно. Не могу оставаться один на один с ней. Мне нужно накричаться, издергаться, потому что с криком боль отступает. А когда я молчу, она ищет меня, находит, преследует и пронзает насквозь. Она говорит: «Так вот

ты где? Все, теперь ты принадлежишь мне».

Демон. Гремлин. Полтергейст. Призрак. Фантом. Дух. Тень. Вампир. Дьявол. Люди настолько их боятся, что низводят свое существование до чтения сказок и «страшненьких» рассказов десятками томов, которые можно закрыть и поставить на полку либо оставить в кровати или на столе, чтобы пробежать пару страниц за завтраком. Столкнувшись со злом, люди зажмуривают глаза, они не хотят его видеть. Только, уверяю вас, и вы уж мне поверьте: зебра никуда не исчезает, она – реальность. Она все еще пляшет где-то.

Весна наконец обосновалась в наших краях, прорвавшись сквозь невероятно сырую зиму, наполненную серыми днями, дождем и таким страшным холодом, какого я отродясь не испытывал. Зимой Ева ела мало, сильно похудела, лицо осунулось и побледнело. Когда боль возвращалась, она, бывало, целый день не брала в рот ни крошки. Поскольку спортом она не занималась, к худобе прибавилась дряблость, а кое-где сквозь кожу просвечивали кости. Она угасала. Дэнни очень беспокоился за нее, но все уговоры пойти к врачу или принимать лекарства Ева отвергала. Однажды вечером, после ужина, особенного – хотя не припомню, зачем Ева его приготовила, вроде бы никакой годовщины или чьего-то дня рождения мы не отмечали, – Дэнни внезапно появился в спальне голый, а Ева, тоже голая, лежала в кровати.

Все это показалось мне странным – он давно уже не ложился на нее. Но что есть, то есть. Дэнни взгромоздился на нее, и она сообщила, что поле плодородно.

– Ты действительно этого хочешь? – спросил он.

– Еще как, – ответила она, но не сразу. Глаза помутнели и ввалились, утопая в морщинистой коже век, а взгляд их говорил о чем угодно, но только не о плодородии.

– Я обожаю плодородие, – пробормотал Дэнни.

Их совокупление было слабым и безрадостным. Ева стонала, но, по-моему, притворялась, потому что в середине акта вдруг посмотрела на меня и кивком указала на дверь. Из уважения я ушел в другую комнату, где немного поспал. Если я правильно помню, снились мне вороны.

Глава 13

Они усаживаются на деревьях, электрических проводах и на крышах и за всем наблюдают, зловещие маленькие ублюдки. Они гортанно орут во все горло, словно поддразнивают вас, и постоянно каркают. Они знают, когда вы находитесь в доме и в какой именно его части, знают, когда вас там нет. Они всегда ждут. Младшие двоюродные сестры ворона, они злопамятны и злы, угнетены генетическим отставанием в росте по сравнению со своими братьями. Говорят, что на эволюционной лестнице ворон находится на ступень ниже человека. Согласно легендам индейцев Северо-Западного побережья, ворон создал человека. (Интересно здесь отметить, что божеством, соответствующим в мифах равнинных индейцев ворону, является койот, то есть собака. Иначе говоря, мне кажется, все мы разошлись на вершине духовно-пищевой цепочки.) То есть если ворон создал человека, а ворона – его кузина, то куда нам ее втиснуть?

Питаются вороны отбросами. Они очень умны, коварны, лучше всех умеют применять свой хитрый гений, особенно лихо открывают крышки мусорных баков, разрывают пакеты и пробивают клювами коробки с любой едой. Эти подонки – твари коллективные, живут стаями, а нападают большими группами, почему их и называют убийцами. Очень подходящее слово, потому что, когда видишь их ораву, сразу хочется всех убить.

Я никогда не гоняюсь за воронами. Они прыгают, заманивая подальше от дома, надеются обмануть, заставить гнаться за собой, и если вы поддадитесь на их уловку, они потом набросятся на вас кучей и исклюют в кровь или, того хуже, серьезно поранят. Они так и стремятся завести за мусорный бак. Точно вам говорю. У меня случаются кошмары, в которых мне снятся вороны. Стая убийц. Они накидываются на меня и рвут на куски. Ничего хуже придумать невозможно.

Когда мы только-только переехали в новый дом, с местными воронами кое-что случилось, поэтому я знаю, как они меня ненавидят. Плохо иметь врагов. Обычно Дэнни выносит мои биологические отходы в специальном зеленом биопакете, очень небольшом. Вынос испражнений – своего рода наказание, которое несут люди за свое желание иметь в доме животных и необходимость содержать их в строгих гигиенических условиях. Люди обязаны гулять с нами, имея при себе

совочек и пластиковый пакет, чтобы в нужный момент, надев пакет на руку, собрать в траве наши экскременты. Они не обязаны брать их пальцами, но даже с пластиковым барьером процесс не доставляет удовольствия, потому что запах они все равно чувствуют, хотя обоняние у них примитивное – они лишены возможности как различать запахи, так и разгадывать их значение.

Дэнни собирал маленькие пакеты с отходами моей жизнедеятельности и складывал их в пластиковый пакет, такой же, с каким ходил по магазинам за продуктами. Иногда пакеты с моими экскрементами он выбрасывал в мусорный бак, стоящий не возле нашего дома, а недалеко от парка. Думаю, он не хотел, чтобы вонь от них долетала до окон дома. Хотя точно не знаю.

Однажды, когда я еще был щенком, вороны заметили Еву, возвращавшуюся домой с покупками, и стали кучковаться поблизости от нашего дома, на дереве. Они помалкивали, не желая привлекать к себе внимание, но я-то знал, где и зачем они кучкуются, я все их манипуляции отлично видел. Ева припарковалась на аллее и несколько раз возвращалась к машине за пакетами. Сначала она поставила их на лестницу у входной двери, а оттуда уже перенесла в дом. Вороны безмолвно наблюдали за ней. Они, разумеется, отметили, что один пакет Ева в дом не внесла.

Нужно отдать должное: вороны – скоты очень сообразительные. Они не бросились за пакетом сразу – сидели и ждали, пока Ева поднимется на второй этаж, разденется и отправится в ванну. Только убедившись, что она находится там, – твари увидели в окно ее силуэт в стеклянной двери ванной, а я сижу за входной дверью, закрытой от воров и насильников, – они начали действовать.

Несколько ворон устремились к дому. Одна села на подоконник и принялась дразнить меня – вынуждала залаять. Обычно я не поддавался, просто чтобы позлить их, но сейчас, зная, на что они нацелились, решил разыграть из себя дурачка и для большей убедительности несколько раз гавкнул. В это время три вороны, подхватив клювами стоящий возле двери большой пакет, отлетели с ним от дома, но недалеко, поскольку хотели еще больше подразнить меня, заставить глядеть, как они станут наслаждаться едой.

Похоже, к нам во двор слетелось все местное воронье. Они скакали и плясали вокруг лежащего на траве пакета, всячески выражая радость. Они готовились к пиршеству. Затем разорвали пакет клювами и сунули их внутрь, ожидая нащупать там разные вкусности, и принялись есть. Тупое воронье ничего не

поняло сразу: им и в голову не приходило, что они собираются отведать испражнений.

Моих испражнений!

Они подавились ими. Начали кашлять, а кое-кого стошнило. Видели бы вы их рожи в тот момент. Тряся головами, они тучей поднялись в воздух и устремились через улицу к фонтану, где начали мыть свои грязные клювы.

Потом они вернулись. Чистые и злые. Собралось их несколько сотен, а возможно, тысяч. Они толпились у задней двери дома, на лужайке перед домом, отчего она казалась покрытой странным темным шевелящимся слоем дегтя и перьев, и все смотрели на меня своими глазами-бусинками, словно хотели сказать: «Выходи на улицу, собачка. Мы тебе глазки-то быстро выклюем!»

Вскоре они поняли, что выходить я не собираюсь, и улетели. Вернувшись домой с работы, Дэнни заглянул за дом. Ева готовила ужин, а маленькая Зоя сидела на своем высоком стульчике.

– Откуда у нас во дворе столько птичьих перьев? – спросил Дэнни, проходя в дом.

Мы молчали, хотя я-то знал откуда. Дали бы мне в тот момент компьютер Стивена Хокинга, я бы написал великолепный юмористический рассказ.

Дэнни пожал плечами, вышел из дома со шлангом в руках и вымыл лестницу. Затем собрал валявшиеся по всей лужайке разорванные пакетики с моими экскрементами. Конечно, он удивился, но нас больше расспрашивать ни о чем не стал. Деревья, телефонные и электрические провода вокруг нашего дома были усыпаны вороньем, наблюдавшим за входной дверью, но я не выходил. Я притворился, что плохо себя чувствую, завалился на свой коврик и уснул.

Да, посмеялся я над ними здорово. Они вздумали меня перехитрить, а в ловушку попались сами. Вдоволь наелись моих испражнений. Правда, событие это оставило отрицательный след – в своих кошмарных снах я всегда видел разозленных ворон.

Просто караул!

Глава 14

Ответы лежали у меня перед глазами, я просто не мог их правильно прочитать. В течение зимы все свободное время Дэнни проводил у компьютера, за видеоиграми – симуляторами автогонок, что для него было странно. Раньше он никогда не играл в них. Однако в ту зиму он начинал играть в них сразу же, как только Ева укладывалась спать, в основном в «Американские круги». Санкт-Петербург и Лагуна Сека, Атланта и Огайо… мне следовало узнать их с первого взгляда, ведь к тому времени эти круги я уже не раз видел. Только позже я догадался: Дэнни не играет, он изучает трассы: высчитывает, где можно разогнаться, а где следует притормозить. Тогда же он частенько говорил о точности воспроизведения в играх гоночных трасс, о водителях, которые, готовясь к гонкам на незнакомых трассах, извлекали из игр много полезного для себя. Вот уж о чем я никогда не думал…

Дэнни начал соблюдать диету, перестал есть сахар и жареную пищу. Он приступил к тренировкам: делал пробежки, плавал в бассейне, поднимал штангу и тягал гири в гараже у одного здоровенного парня, жившего неподалеку от нас, который пристрастился к бодибилдингу, когда сидел в тюрьме.

Дэнни тренировался серьезно. Он похудел, окреп и чувствовал себя готовым к жестким гонкам. Я все эти признаки пропустил. Дэнни одного меня только одурачил, потому что, когда мы мартовским днем спустились вниз с сумкой с надписью «HANS», куда он засунул свой гоночный костюм, а к ручке пристегнул шлем, и с чемоданом на колесиках, Ева с Зоей, как мне показалось, знали о его отъезде. Им он о предстоящих гонках рассказал, а мне – нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/stayn_gart/iskusstvo-bega-pod-dozhdem

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить